

— Я очень-очень хочу увидеть, как ты признаёшься кому-то в любви.

Коу Чэня много раз вызывали в кабинет завуча и учительскую. Его с детства относили к группе отстающих учеников, он хорошо был знаком с учительской, кабинетом завуча и кабинетом директора, но после восьмого класса перестал туда попадать. Вовсе не потому, что его туда больше не вызывали — он просто пропускал мимо ушей веления учителей. Если его посылали туда, дав хоть немного лица, он делал вид, что идёт в учительский корпус, а затем разворачивался и намечал путь в туалет или на спортивную площадку. Если лица ему не давали, он уходил, не дав договорить человеку, отправляющего его в учительскую. Сегодня же его впервые за всё время позвали в кабинет завуча, и он шёл туда лёгким шагом, в приподнятом настроении. Завуч как будто хотел попросить его о чём-то. Нет, точнее их — его и Хо Жаня. Хоть их случайно позвали, и каждый мог оказаться на их месте, он всё равно был безмерно рад.

В учительском корпусе никого не было. Завуч привёл их в свой кабинет и предложил сесть на диван.

— Хотите чаю? — спросил он.

— Какой уж там чай? — спросил Лао-Юань. — Молодёжь газировку пьёт.

— М-м, газировка тоже есть, — завуч указал на маленький холодильник, — кола там, ещё чего-то. Достаньте-ка им, Юань-лаоши.

Лао-Юань направился к холодильнику в углу.

— Ай, я сам достану. — Хо Жань вскочил с дивана и бросился к холодильнику, чтобы не дать

Лао-Юаню открыть холодильник. — Лао-Юань, сядьте.

Коу Чэнь по-хозяйски устроился на диване и обратился к нему:

— Мне Кока-Колу, спасибо. А вообще, любезности ни к чему, ты уже сказал «Лао-Юань».

Хо Жань тут же обернулся к Лао-Юаню и исправился:

— Юань-лаоши!

Лао-Юань отмахнулся:

— Это обращение режет слух.

Коу Чэнь хихикнул. Хо Жань взял две баночки колы, а завуч заварил чай для себя и Лао-Юаня.

— Что-то у вас тут нечисто. — Коу Чэнь посмотрел на дату производства на баночке. — Я думал, это остатки со Спортивного праздника, но дата изготовления недавняя.

— В учительской тоже стоит холодильник, это из средств социального обеспечения школы, — сказал завуч. — Если захочешь попить, приходи, бери, но никому не рассказывай, а то на всех

не запасёшься.

Хо Жань и Коу Чэнь рассмеялись. Завуч хоть и не ругался, но не улыбался, и, несмотря на это, они чувствовали, что он совсем не свирепый человек, каким они его представляли.

— Давайте перейдём к делу, — сказал Лао-Юань, глотнув чаю. — Этих двух учащихся можно считать очень представительными.

— Угу, — кивнул завуч и посмотрел на Коу Чэня и Хо Жаня. — Дело вот как обстоит: учсовет предложил школе одну идею — организовать «Признания на крыше».

— А почему на крыше? — недоумевал Хо Жань.

— Прыгать с неё будут. — Коу Чэнь с упрёком посмотрел на него. — Ты что, представитель отсталых от жизни учащихся? Даже не знаешь, что такое «Признания на крыше»?

— А-а, — протянул Хо Жань. — До меня просто не сразу дошло.

— Подумал, наверное, что наша школа не совместима с этим трендом? — спросил Лао-Юань. — Поэтому такая заторможенная реакция?

Хо Жань кивнул:

— Угу. Мне кажется, это точно не одобрят.

— Вот, посмотрите, — Лао-Юань перевёл взгляд на директора, — учащиеся нам ни капли не доверяют.

— Если школа одобрит такое мероприятие, как по-вашему, какое содержание будет? — спросил завуч.

— Так признания же, — ответил Коу Чэнь. — Признания в симпатии стопроцентно будут, очень много. Не зря же эта штука называется «Признания на крыше».

— Что бы ты сказал, если бы поднялся туда? — продолжал спрашивать завуч.

— Я точно не буду подниматься.

Завуч перевёл взгляд на Хо Жаня:

— А ты?

— Я тоже не поднимусь, — улыбнулся Хо Жань, — но обязательно приду, посмотрю. Я хочу услышать, что скажут другие.

— Проще говоря, мы просто поглазеть придём, — сказал Коу Чэнь.

Завуч взглянул на Лао-Юаня.

— Я? Я-то поднимусь. — Лао Юань развёл руками. — Если учителям разрешат участвовать.

Завуч отпил чаю и пояснил:

— Нет, я не это хотел спросить.

— А как думаете, учащимся понравится эта идея? — спросил Лао-Юань парней. — Какие у них могли бы быть ожидания на сей счёт?

Хо Жань вызвался ответить:

— Им понравится, безусловно. В прошлом или позапрошлом году же проводилось такое в одиннадцатой школе, и другие школы в то время им завидовали, хотя им дали очень мало времени на признания, а нескольких человек даже не пустили на крышу. Но если высказываться можно будет по предписанной теме, где то нельзя упоминать, это нельзя, то нет смысла устраивать. Не думаю, что найдутся желающие поучаствовать.

— Угу, — кивнул Лао-Юань, — это будет не более чем видимостью «прогрессивности», в запретах действительно нет смысла.

— Но родителей не приглашайте, — сказал Коу Чэнь. — Если одобрите эту штуку, не вмешивайте их сюда. Толпучка родителей внизу... В общем, если мой папа будет стоять там внизу, и вы разработаете правило, что все должны будут участвовать, я не поднимусь на крышу.

— Идея учсовета на этот раз заключается в том, что учащиеся могут говорить всё, что хотят, — сказал завуч. — На том вашем классном обсуждении тема была ограничена, но такой формат всем очень понравился, поэтому учсовет подаст заявку на это мероприятие, и школа её рассмотрит. Но мы всё-таки должны подумать ещё немного, в том числе о возможности казусов по типу оскорблений...

— Мы же не в началке, — прервал Коу Чэнь с равнодушным выражением лица. — Сказано — признания, а ты поднимаешься и поносишь кого-то, ну не debil ли? Большинство не станет так делать, а если кто-то и решится, устройте так, чтобы внизу народ загалдел и освистал его, вот и всё. Чего тут, блин, опасаться?

Завуч взглянул на него и рассмеялся.

— Как интересно, — сказал Лао-Юань, — приведи мы сюда других детей, не слышали бы таких слов.

— Ладно, давайте подведём итог всему вами сказанного. — Завуч не переставал улыбаться. — Вы хотите это мероприятие, но без участия родителей. И лучше всего, чтобы школа не ограничивала тему и содержание выкрикиваний с крыши, так?

— Да, — подтвердил Хо Жань.

— Спасибо вам. — Завуч кивнул им. — Если появятся другие идеи, сообщайте Лао-Юаню. Ну а поскольку мы ещё не решили окончательно, будем проводить мероприятие или нет, вы, пожалуйста, держите это в секрете.

Выходя из учительского корпуса, Коу Чэнь прошептал:

— Ай, я забыл кое-что важное.

Хо Жань посмотрел на него:

— Что?

— Попросить плату за молчание. В секрете, говорят, держать, и всё?

— Тогда иди, проси, — Хо Жань остановился, — а я тебя здесь подожду.

— Ты совсем не по-братски поступаешь. Я, значит, пойду просить, а ты тут ждать останешься?

— Ладно. — Хо Жань развернулся и направился обратно в учительский корпус. — Я пойду с тобой.

В это время по лестнице спускался завуч и, увидев, что он повернулся к корпусу, спросил:

— Что такое? Вы о чём-то ещё хотели...

— Нет, — Коу Чэнь схватил Хо Жаня за воротник и потянул его назад, — я просто сказал ему, что захотел колы.

— Так иди и возьми, всё в порядке. Ваш Лао-Юань ещё не ушёл.

— Да не. — Коу Чэнь тянул Хо Жаня за собой и повернулся, чтобы уйти.

Хо Жань, не сопротивляясь, шёл за ним с улыбкой на лице.

— Страшный ты человек. — Коу Чэнь оттащил его к краю дороги и остановился.

— Ну а что? — Хо Жань, светясь улыбкой, поправлял одежду. — Ты возмутился тем, что я не хочу идти с тобой, вот я и согласился составить тебе компанию в вымогании платы за молчание.

— Пошли давай. Ненадолго зайдём в столовку.

В столовой ели несколько членов ученического совета, тихо переговариваясь. Лу Хуань и У Сяочэнь тоже были там и, увидев их, улыбнулись и поздоровались. Коу Чэнь купил закуску и попить и увёл Хо Жаня к свободному столу, подальше от них.

— Лу Хуань ещё ладно, мы нечасто с ней общаемся, а У Сяочэнь — предательница. Вечно постит всё в Моментах, а об этом ни малейшего словечка, — прошептал Коу Чэнь.

— Она, наверное, получила плату за молчание, — подколот Хо Жань с улыбкой.

— Эх, — вздохнул Коу Чэнь, хрустя обжаренными бобами. — Если всё-таки одобряют эти кричания на крыше, можно подтолкнуть Цзян Лэя подняться и крикнуть: «Лу Хуань, ты мне нравишься!».

— Он не отважится. Он скорее крикнет: «Сюй Чжифань, я люблю тебя», а на «Лу Хуань, ты мне нравишься» не решится.

Коу Чэнь рассмеялся:

— Ссыкунишка.

— А ты не рассматриваешь вариант тоже подняться?

— Мне нечего выкрикивать, я не из тех, кто держит всё в себе и выплёскивает это только когда шанс выпадает. Обычно если мне есть что сказать, я это сразу говорю.

— М-м, мне тоже нечего особо выкрикивать. — Хо Жань призадумался: — Но я всё же хочу услышать других. Может, я слишком охоч до наблюдения?

— Нет, мне кажется, это у всех так. Хотят знать, о чём думают другие. В будущем я изобрету аппарат для чтения мыслей и обязательно стану богатейшим человеком в мире.

— Кампусную карту мою сначала пополни, богатейший.

— Ну щас, бегу и тапочки теряю. — Коу Чэнь достал свою карточку и кинул её на стол. — Вот эту теперь будем проедать.

— Пустая? — Хо Жань взял карточку и повертел её.

— В смысле? Я уже пополнил её, просто жду, когда на твоей деньги закончатся, и ты в конечном итоге станешь бомжом.

— Вот ты поехавший. — Хо Жань засмеялся.

Из-за обещания завучу и Лао-Юаню они воздержались от рассказа ребятам о «Признаниях на крыше» и просто ждали, пока школа сама объявит об этом. По словам завуча было ясно, что такое мероприятие и вправду рассчитывали провести, ведь аффилированные школы — более передовые и открытые, чем другие школы.

Скрывать пришлось всего лишь полмесяца. Наконец началось шевеление. На перемене после второго урока Вэй Чаожэнь вернулся из туалета и выглядел взволнованным.

— Я только что видел, как челы из учсовета несли большой плакат в актовый зал. — Вэй Чаожэнь показал руками величину. — Вот такущий, в двухметровую длину, он ещё не дорисован.

— Что за плакат? — спросил Сюй Чжифань.

Вэй Чаожэнь приткнулся к столу и понизил голос:

— Может быть, там о признаниях на крыше. Когда подул ветер, я увидел слова «Призна на».

— Какое ещё «признана»? — с растерянным видом спросил Сюй Чуань.

— Ты дурак, Чуань-гэ? — Вэй Чаожэнь написал на бумаге и объяснил: — Вот, видишь, «Призна-», дальше часть с «-ния» закрыта была, потом под ним «на»*.

*Он, говорит, увидел иероглифы 言 (мнение народа), Сюй Чуань не понял, какое ещё мнение народа??? А Вэй Чаожэнь и объясняет: ваще-то 言 — нижняя часть иероглифов 言 (крыша), дурак ты Чуань-гэ

Цзян Лэй недоверчиво посмотрел на него.

— Когда это у тебя айкью повылся?

— Он у меня всегда был таким высоким, не пытайся поставить меня в один эшелон с тобой.

— Нет, это как раз-таки ты теперь в одном эшелоне со мной.

Вэй Чаожэнь обдал его злым взглядом:

— Иди в зад!

— Что за признания на крыше? — спросил Ху И.

— Это выкрикивать с крыши всё, что у тебя на душе, — объяснил ему Сюй Чуань. — Предназначенное для кого-то или просто слова, которые хочешь высказать.

— А-а. — Ху И задумался. — Тогда я поднимусь туда и крикну: «Тётя у третьего окна на раздаче, вы можете не трясти всё время черпаком?». Она так чуть ли не всё мясо роняет своей трясучкой.

Ребята повалились на стол от смеха.

Школа одобрила заявку ученического совета и через три дня объявила о «Признаниях на крыше». Эта новость была у всех на устах, ведь зимние каникулы выдались короткими и очень суматошными, и всеобщее волнение некуда было направить. Учащиеся с горячим восторгом откликались об этом мероприятии.

К тому же, это была самая популярная активность, которую предложил ученический совет за последнее время, поэтому готовились к ней с превеликим энтузиазмом. Плакат оформили со вкусом, в нём преобладал западный колорит. Работавшие над ним, видимо, были большими поклонниками Мондриана. Фон плаката представлял собой многообразие ярких, весёлых геометрических фигур и линий. Он висел на здании Дворца спорта, и его было видно издалека, но написано на нём было не «Признания на крыше», а «Я стою на крыше, и мне есть что сказать». Вероятно, такой формулировкой хотели расширить поле для более развёрнутых высказываний участников, но Хо Жань подозревал, что это могло быть ухищрение Лао-Юаня, чтобы размыть оригинальное название, которое могло взбудоражить родителей.

— Я стою на крыше, — читал Коу Чэнь, указывая на плакат вдалеке. — Я вот-вот полечу.

— Так иди уже, летай, — сказал Хо Жань.

— Не пойду. Я эти два дня учил летать Цзян Лэя. Он хочет подняться и выкрикнуть признание, но боится поставить Лу Хуань в неловкое положение.

— И как тогда?

— Не говорить прямо: «Ты мне нравишься»! Можно просто сказать, мол, я очень тобой восхищаюсь, мне повезло встретить такую девушку, как ты, надеюсь, ты всегда будешь так потрясно улыбаться. Вот что-то типа этого. И никому из них не будет неловко.

— Коу Чэнь, — Хо Жань с изумлением посмотрел на него, — у меня есть желание.

— Говори какое, гэгэ поможет тебе его осуществить.

— Вот все эти твои фразочки — я очень-очень хочу увидеть, как ты признаёшься кому-то в любви.

Коу Чэнь ему лишь улыбнулся.

Хо Жань больше ничего не сказал. Он попытался представить Коу Чэня лицом к лицу с девушкой... Нет, кажется, это невозможно представить. Да к тому же, это выглядело до странного нелепо. Он ни в коем случае не расскажет Коу Чэню о своём восприятии на эту сцену, иначе получит по щам. У него было такое чувство, будто его выросший пёс, о котором он заботился с самого щенячества, вдруг похотливо задышал при виде собачонки...

— Хотя нет, забудь, — сказал он, притормаживая своё воображение и мысленно извиняясь перед потенциальной девушкой, которую он сравнил с собачонкой.

— С этим я тебе не смогу помочь. — Коу Чэнь цокнул. — Это ж обычные слова, если ты хочешь, чтобы сам я был действующим лицом, то не, не получится... Не получится, не получится...

— Я говорил тебе, не надо было играть с брелком на холоде. Теперь погляди на себя, не получается и не получится.

Коу Чэнь застыл и уставился на него, затем после длинной паузы с укором произнёс:

— Хо Жань, тварина, ты самый двуличный человек, которого я когда-либо видел!

Хо Жаня так пробило на смех, что он закашлялся. Ему стало смешно ещё тогда, когда Коу Чэнь три раза подряд сказал «не получится».

Взлетания с крыши должны были начаться во второй половине дня. На деле же многие учащиеся ускользнули во время первого урока, чтобы занять выгодные места вокруг Дворца спорта. Как Сюй Чуань и Сюй Чжифань, например. Эти обычно сдержанные, серьёзные товарищи и впрямь не пришли на первый урок и даже разместили фотографии в чате. Напротив Дворца спорта стояло одноэтажное здание, где хранился старый спортивный инвентарь, и они урвали чистенькие, ровные места на краю его крыши, разложив там свои свёрнутые куртки.

— Даже нас не позвали! — Цзян Лэй сердито смотрел на телефон, зажатый у него между ног.

— Они ушли сразу после еды, — сказал Ху И.

Вэй Чаожэнь вытаращился на него:

— А ты почему ничего нам не сказал?

— Откуда мне было знать, что они пошли занимать места? Это для тебя и Цзян Лэя такие нарушения правил в норме.

— А Коу Чэня ты чего не назвал? Коу Чэнь — первый, кто пошёл бы нарушать правила, ясно тебе?! — возмутился Цзян Лэй.

Ху И перевёл взгляд на Коу Чэня:

— Он сидит здесь, с нами.

— Тебе как об стену горох. — Цзян Лэй огляделся вокруг. — Ну никуя, так много народу ушло?

Хо Жань тоже оглядел класс — дело не в том, что много народу ушло, а в том, что многие в принципе не пришли на занятия. Неудивительно, что воротила Чжифань и Сюй Чуань ушли пораньше, чтобы занять места.

Коу Чэнь отбросил учебник, встал и пошёл к двери.

— Погнали.

Он подал пример, и почти все в классе встали и хлынули к выходу. Пройдя несколько шагов, кто-то взглянул в сторону учительского корпуса и замер:

— Во блин, Лао-Юань смотрит?

Все испугались и посмотрели в окно — конечно же, Лао-Юань стоял у окна учительской с кружкой в руке и смотрел на них. Они сразу же остановились, не зная, куда деться — идти дальше или отступить. Лао-Юань сделал глоток чая, показал им жест «тсс» и задёрнул шторы.

Ребятня тут же покинула класс в тишине и волнении. Выбежав на первый этаж, они обнаружили, что все ученики 3-й группы в полном составе сидят в классе, и Лян Мулань величественно стоит у доски, не сводя с них глаз.

— Кошмар какой, — прошептал Цзян Лэй. — Их заставляют тихо сидеть, а к тому времени, как их отпустят, им даже мест на деревьях не останется.

Вывод Цзян Лэя был вполне точным. Когда начался второй урок, на большие деревья вскарабкалось полно людей, а члены ученического совета стояли у деревьев поменьше — боялись, что найдутся люди, которые не пощадят даже деревца.

— На сегодняшнем мероприятии я хотел бы прежде всего поблагодарить школу за поддержку и учителей за их открытость и доверие к нам! — держась за перила, кричал представитель ученического совета с крыши.

— Прямо хорошо слышно. — Хо Жань вместе с остальными шестью ребятами сидел на краю крыши инвентарной, покачивая ногами. — Интересно, они организуют группу поддержки? А то первым, кто поднимается, нужна немалая смелость.

— Цзян Лэй, ты иди первым! — сказал Вэй Чаожэнь. — А то вон как разнервничался.

— Закрой хавальник. — Цзян Лэй энергично затряс свешенными ногами. — Я так нервничаю, что хочу писать.

Они забавлялись и дурачились, пока ученический совет объявлял о начале мероприятия. Дворец спорта со всех сторон окружали учащиеся и с приветственными возгласами махали высоко поднятыми руками.

Вопреки ожиданиям Хо Жаня, на крышу поднялось много людей, которые не побоялись выступить первыми. Он восхищался их смелостью. Когда первый вызвавшийся появился рядом с перилами крыши, ребята одновременно воскликнули:

— Бля, это Хэ Хуа?

Хэ Хуа с опущенной головой стояла у перил, крепко вцепившись в них руками. То ли просто нервничала, то ли боялась. Вскоре шум прекратился, но она так и молчала, держа голову опущенной, как будто что-то читала.

— Она уснула? — прошептал Коу Чэнь.

И тогда Хэ Хуа вдруг подняла голову, подалась ближе к перилам и громко крикнула:

— Коу Чэнь!

— Ох ты ж блять! — Коу Чэнь шарахнулся и, вцепившись в Хо Жаня, спрятался за него.

Примечание переводчицы:

могу приободрить, что это мероприятие положит начало романтическому замесу!!!

<http://bllate.org/book/14311/1267031>